

Научная статья

УДК 94(470.6)"1920"

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.2.10>

ЭВОЛЮЦИЯ ФОРМ ПРОИЗВОДСТВЕННО-ХОЗЯЙСТВЕННОЙ КОНСОЛИДАЦИИ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В ГОДЫ НЭПА

Александр Павлович Скорик

Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова (д. 132, ул. Просвещения, Новочеркасск, 346428, Российская Федерация)

Доктор исторических наук, доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации
s_a_p@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1283-8137>

Аннотация. Введение. Изучение нэпа остаётся одной из актуальных проблем современной российской историографии, и большое количество исследований в постсоветское время не исчерпало многих сюжетов, включая историописание форм производственных объединений крестьянских хозяйств. Нэп открыл широкий простор для производственно-хозяйственной консолидации крестьянства, но крестьяне предпочитали использовать традиционную супругу, ставшую в условиях восстановления сельского хозяйства универсальным социально-экономическим инструментом и одной из основных форм производственных объединений крестьянских хозяйств. **Материалы и методы.** С опорой на изучение архивных материалов и историографические факты доказываются отсутствие устойчивого и масштабного интереса ставропольских крестьян к созданию сельскохозяйственных артелей и коммун. Применён историко-статистический метод в трактовке процесса хозяйственно-экономической консолидации ставропольского крестьянства по выбору форм объединения; осуществляется историческая реконструкция всего объёма производственных отношений и социального взаимодействия. **Анализ.** Ставропольская деревня в годы нэпа обратила свои взоры на товарищества как наиболее приемлемую форму коллективных хозяйств (колхозов), и они постепенно сменили супругу, поэтому множилось виды товариществ, росло количество их участников, что превратило товарищества в гибкий социальный инструмент аграрной политики периода нэпа. Реальностью в Ставропольском округе Северо-Кавказского края стали «дикие» (незарегистри-

рованные) колхозы, поскольку крестьян, в первую очередь, привлекали производственно-экономические возможности, и лишь затем они начинали юридически оформлять сложившиеся отношения, поскольку в деревне ещё не исчезло доверие слову крестьянина-хозяина. **Результаты.** По итогам исследования делается вывод о выборе ставропольским крестьянством простых малых и больших товариществ в качестве приемлемой формы коллективного хозяйствования. Осуществлённая историческая реконструкция производственных отношений и социального взаимодействия, складывавшихся в рамках каждой формы коллективных хозяйств в годы нэпа, подтвердила необходимость их вербально-понятийного описания, последовательно выполненного в рамках статьи.

Ключевые слова: большевики, коллективные хозяйства, крестьяне, новая экономическая политика (нэп), сельскохозяйственная артель, сельскохозяйственные товарищества, советская власть, супруга, трудовая коммуна

Для цитирования: Скорик А. П. Эволюция форм производственно-хозяйственной консолидации ставропольского крестьянства в годы нэпа // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 2. С. 252–261. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.2.10>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 24.01.2025.

Статья одобрена после рецензирования: 16.03.2025.

Статья принята к публикации: 16.04.2025.

Research article

THE EVOLUTION OF THE FORMS OF INDUSTRIAL AND ECONOMIC CONSOLIDATION OF STAVROPOL PEASANTRY DURING THE NEP YEARS

Alexander P. Skorik

M.I. Platov South Russian State Polytechnic University (NPI) (132, Prosveshcheniya St., Novocherkassk, 346428, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Dr. Sc. (Philosophy), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation
s_a_p@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1283-8137>

Abstract. Introduction. The study of the NEP remains one of the urgent problems of modern Russian historiography, and a large number of studies in the post-Soviet period have not exhausted many subjects, including the historical description of the forms of production associations of peasant farms. The NEP opened up a wide scope for the production and economic consolidation of peasantry, but peasants preferred to use the traditional supriaga, which became a universal socio-economic tool and one of the main forms of production associations of peasant farms in the conditions of the restoration of agriculture. **Materials and methods.** Based on the study of archival materials and historiographical facts, the lack of sustained and large-scale interest of Stavropol peasants in the creation of agricultural artels and communes is proved. The historical and statistical method is applied in the interpretation of the process of economic consolidation of the Stavropol peasantry by choosing the forms of association; the historical reconstruction of the entire volume of industrial relations and social interaction is carried out. **Analysis.** Stavropol village in the years of the NEP

turned its eyes to partnerships as the most acceptable form of collective farms (collective farms), and they gradually replaced the supriaga, therefore, types of partnerships multiplied, the number of their participants increased, which turned partnerships into a flexible social tool of the agrarian policy of the NEP period. "Wild" (unregistered) collective farms became a reality in the Stavropol District of the North Caucasus Region, since peasants were primarily attracted by production and economic opportunities, and only then they began to legally formalize the existing relations, since trust in the word of the peasant owner had not yet disappeared in the village.

Results. Based on the results of the study, it is concluded that the Stavropol peasantry has chosen simple small and large partnerships as an acceptable form of collective management. The historical reconstruction of industrial relations and social interaction that developed within each form of collective farms during the NEP years confirmed the need for their verbal and conceptual description, consistently performed within the framework of the article.

© Скорик А. П., 2025

Keywords: Bolsheviks, collective farms, peasants, New Economic Policy (NEP), agricultural artel, agricultural partnerships, Soviet government, supryaga, labor commune

For citation: Skorik AP. The evolution of the forms of industrial and economic consolidation of Stavropol peasantry during the NEP years. *Humanities and law research*. 2025;12(2): 252-261. (In

Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.2.10>

Conflict of interest: The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 24.01.2025.

The article was approved after reviewing: 16.03.2025.

The article was accepted for publication: 16.04.2025.

Введение. Процесс объединения хозяйств крестьян-единоличников в коллективные хозяйства традиционно в общественном сознании связывается с коллективизацией конца 1920-х – 1930-х гг., и само понятие «колхоз» (а правомерно следует говорить применительно к коллективизации сельскохозяйственная артель) также в соответствующем звучании относится к этому хронологическому периоду. Но коллективные хозяйства, создававшиеся большевиками с 1918 г., исторически подразумевают более широкий набор форм производственной консолидации российского крестьянства, а появились такие варианты объединения усилий крестьян задолго до советской власти, и выгоды коллективного труда крестьяне поняли до получения директивных указаний большевиков. Разрушительные последствия Гражданской войны, голод 1921–1922 гг., обнищание российской деревни, значительное сокращение численности наиболее трудоспособной части сельского населения, вымирание людей вследствие массовых эпидемий, продовольственные реквизиции советской власти подтолкнули крестьянство к поиску способов коллективного выживания и организации производственной деятельности с началом восстановительного периода и переходом к нэпу. «Простейшие производственные объединения крестьянства и казачества, – пишет А.А. Панарин, – сыграли важную роль в восстановлении сельского хозяйства Северного Кавказа после установления здесь весной 1920 г. Советской власти» [10, с 570]. Однако в региональной историографии не раскрывается динамика смены форм организации производственной деятельности в годы нэпа в статистическом измерении, уделяется преимущественное внимание кооперации, а вербально-понятийное описание обозначенных форм не является предметом специального исследования, ибо подразумевается, к сожалению, неочевидный ассоциативный смысл, вытекающий из самого названия формы организации производственной деятельности крестьянства.

Материалы и методы. Применение историко-статистического метода в трактовке процесса хозяйственно-экономической консолидации ставропольского крестьянства по выбору форм объединения показывает, что в результате осуществления нэпа складывается интересная картина, когда преобладающей формой объединения крестьян в производственные коллективы в Ставропольском округе в 1925 – 1926 гг. выступает товарищество по совместной обработке земли, которое создавалось земледельцами для своевременного выполнения наиболее трудоёмких видов работ (вспашки земли, косовицы и пр.) в полевой сезон. Такую же тенденцию мы уже прослеживали в годы нэпа на примере Кубанского округа [12, с. 230–232]. Здесь нет ничего удивительного, ибо исторически тозы на Юге России восходят к традиционной супряге, и донской писатель М.А. Шолохов писал в знаменитом романе «Тихий Дон» о том, что Пантелей Прокофьевич Мелехов «косил в супряге с Аникушкиной женой» [19, с. 118], иначе говоря, подобная простейшая форма объединения хозяйственных усилий, форма артельного труда издавна была ос-

воена южно-российскими земледельцами. На 1 октября 1925 г. в Ставропольском округе числилось 191 производственных сельскохозяйственных коллективов, в том числе: 22 коммуны, 48 сельскохозяйственных артелей, 121 товариществ по совместной обработке земли. На 1 октября 1926 г. в Ставропольском округе значилось 203 производственных сельскохозяйственных коллективов, из них: 19 коммун, 39 сельскохозяйственных артелей, 145 товариществ по совместной обработке земли, и, кроме того, имелось 17 машинных товариществ [4, л. 50б]. Тем самым, изучение архивных материалов и привлечение историографических фактов демонстрирует отсутствие устойчивого и масштабного интереса ставропольских крестьян к созданию сельскохозяйственных артелей и коммун, почти втрое уступавших по численности сельскохозяйственным товариществам. Поэтому применение метода исторической реконструкции всего объёма производственных отношений и социального взаимодействия позволяет воздать должное каждой из форм объединения производственных усилий крестьянства, предопределявших систему хозяйствования в годы нэпа.

Анализ. Осуществление детального анализа форм производственных объединений крестьянских хозяйств в годы нэпа является целью нашей статьи, ибо их статистические подсчёты, к сожалению, не отражают в полной мере исторических картин социальной реальности, не раскрывают сути социально-экономического явления, исторически существовавшего и на Ставрополье. Прежде всего, никуда в 1920-е гг. не делась извечная крестьянская супряга как наиболее простейшая, устойчивая, распространённая и популярная форма консолидации трудовых усилий среди крестьян.

Супряга исторически выступала одной старинных, традиционных форм трудовой кооперации производственных работ российского крестьянства и доступных способов оказания взаимопомощи в деревне. Сущность супряги заключалась в простом, физическом соединении производительного труда крестьянских семей и временного объединения наличного имущества крестьянских хозяйств, включая живое тягло, имеющиеся сельскохозяйственные орудия и инвентарь, в целях более эффективного выполнения различных видов хозяйственных работ в течение всего (или какой-то части) сельскохозяйственного года. Обычно супряга создавалась крестьянами благодаря сакраментальным деревенским кровнородственным связям, но довольно часто она также строилась на соседских, приятельских отношениях, когда соседи и друзья продолжительный период проживали рядом в поселении, или же когда волею судеб граничащие между собой земельные участки сближали крестьян в совместных хозяйственных делах. Причём, судя по всему, крестьяне в годы нэпа никак не стремились регистрировать такое социально-хозяйственное объединение, ибо не считали это нужным административным делом, ведь в российской деревне и так все, обо всём и всех знают, поэтому не случайно в отчёте о работе Ставропольского окружного комитета ВКП(б) за 1925–1926 гг. сообщается следующая

симптоматичная информация: «Имеется 87 «диких» коллективов, из них оформляется 45 организаций и 42 подлежит вступлению в союз» [4, л. 5об]. На 1 октября 1926 г. насчитывалось 93 «диких» колхоза, на 1 октября 1927 г., как следует из отчёта о работе Ставропольского окружного комитета ВКП(б) за 1927 г., «стало 37, причём большая часть из этого числа находится ещё в стадии оформления для вступления в Союз» [5, л. 15об]. Да и зачем регистрировать ранее внеотчётную супругу (или малое товарищество), если в ней обычно объединялись 2–3 хозяйства (примерно от 3–4 до 10–12 работников, включая несовершеннолетних детей), и гораздо реже организовывались в супругу 4–5 или более крестьянских хозяйств. Иначе говоря, мы имеем дело с малой формой производственно-хозяйственного кооперирования крестьянства, характерной не только для великороссов, малороссов, но и для других народов [1, с. 7–14].

Другой особенностью супруги выступал предмет хозяйственного объединения, или вид типичных полевых работ, ради которого крестьяне стремились консолидировать свои трудовые усилия. Трудоёмкостью среди полевых работ отличались: во-первых, весенняя пахота и благодатный внешний сев, когда требовалось поднять плугом (а нередко сохой и без тягла) тяжёлую сырую землю, быстро отсеяться на всей площади отведённого земельного участка и забороновать поля в целях сохранения влаги; во-вторых, заготовка сена, когда максимально вырастали травы, и перестоять свои сроки они не могли, поскольку качество сена неизбежно ухудшится, а ведь его ещё надо после кошения хорошо просушить для длительного хранения в осенне-зимний период; в-третьих, уборка созревших хлебов, когда в прямом смысле каждый удачный день год кормит. Крестьяне сопрягались на осуществление одного из перечисленных видов наиболее трудоёмких полевых работ, или объединялись для проведения двух видов полевых работ, но нередко они соединяли усилия на весь полевой сезон. Успешное совместное завершение всего полевого сезона неизбежно подталкивало крестьянские хозяйства к продолжению плодотворного сотрудничества, опять же или в рамках одного-двух-трёх видов полевых работ, или эффективная супруга растягивалась на несколько лет. Долгосрочная, многолетняя супруга, как правило, закреплялась приобретением общего имущества, и у крестьян существовали различные варианты хозяйственного взаимодействия: от покупки простых сельскохозяйственных орудий (например, плуга, бороны и пр.), причём, зачастую по предварительной распределительной договорённости (каждый крестьянин обзаводился каким-то имуществом в общих интересах, к примеру, пароконным ходом), до обретения сложных сельскохозяйственных машин. Подчёркнём, именно супруга позволяла крестьянам занять общую лобогрейку (жатвенную машину с конным приводом), получить во временное пользование конную молотилку на прокатных пунктах (что создавались властями в годы нэпа), совместно купить производительную сенокосилку, а при хорошем стечении обстоятельств обзавестись дорогостоящей паровой молотилкой, за которую в известном ставропольском селе Привольное очень богатые хозяева платили в 1913 г. 1000 руб. Заметим, эксплуатация паровой молотилки становилась гораздо более эффективной, если к обмолоту на ней собирали полученный урожай нескольких крестьянских хозяйств.

Для ставропольской деревни супруга имела исключительное региональное значение, поскольку из-за природно-климатических условий крестьянам требовалось обрабатывать преимущественно твёрдые степные почвы, и традиционная деревенская соха здесь становилась не всегда уместным орудием, востребованными считались железные плуги, желательны тяжёлые, а, соответственно, крестьянам надо было использовать очень мощную тягловую силу, составленную сразу из нескольких пар волов или пар рабочих лошадей, особенно, если приходилось ставропольским крестьянам поднимать целинные земли, и к тому же после Гражданской войны им достались для полевой обработки большие площади залежных земель, долго не использовавшихся в сельскохозяйственном обороте из-за социального конфликта.

Конечно же, при ускорении темпов развития товарного сельскохозяйственного производства в начале XX в., сопровождавшегося заметным усилением естественного (и отчасти искусственного) социального расслоения российского крестьянства супруга постепенно теряла былую привлекательность, но в годы нэпа она ещё сохраняла свою актуальность. Социальные катаклизмы первой четверти XX в. привели к массовому распространению супруги как простейшей формы объединения производственных усилий крестьянства в земледельческих районах, поскольку понятная крестьянам супруга выступила достаточно действенным средством в буквальном смысле выкарабкивания хлеборобов из тяжелейшего состояния послевоенной разрухи, медленного и противоречивого восстановления сельского хозяйства (с «ножницами цен» и прочими напастями) в нашей стране, в целом, и на Ставрополье, в частности.

Супруга могла иметь и социально-хозяйственный подтекст при соединении производственно-трудовых усилий, скажем, зажиточного крестьянина и крестьянина-бедняка, и тогда супруга неизбежно закрепляла социальное неравенство и обуславливала большую вероятность латентной трудовой эксплуатации. С другой стороны, поддерживаемая большевиками и объединявшаяся в супругу деревенская беднота и часть середняков могли в годы нэпа взять напрокат сельскохозяйственные машины и орудия, получить желанную семенную ссуду, завладеть при поддержке органов управления экспроприированным имуществом социально враждебных советской власти слоёв населения и пр. Поэтому договорные группы, создаваемые в годы нэпа из числа бедняков и середняков, наоборот зачастую не несли в себе элементы латентной трудовой эксплуатации и были прочным залогом дальнейшей социально-хозяйственной консолидации, образования разнообразных товариществ, а при определённых обстоятельствах даже коммун. Более того, возможность свободного объединения в супругу и развитие трудовой взаимопомощи сыграли существенную роль для бедняцко-середняцкой части деревни в социально-хозяйственном противостоянии с кулацкими элементами крестьянства, по определению склонными к формированию экономической зависимости от них беднейших слоёв российской деревни. Традиционная форма производственно-хозяйственной консолидации в виде супруги способствовала развитию коллективистских начал в нэповской деревне, и она во многом утратила былое значение с развёртыванием сплошной форсированной коллективизации, но её элементы сохранялись в крестьянской повседневности, когда, например, кол-

хозник собирался возвести новый дом, отремонтировать хозяйский сарай, починить изгородь и т.п.

В целом же, супруга как простое производственное объединение приносила сгруппировавшимся крестьянам существенную экономическую выгоду, увеличивала производительность труда хлеборобов на основе его дифференцированного разделения и приобретения совместного распределённого имущества (плуга, брички, коня, и пр.), повышала эффективность использования рабочего скота и сельскохозяйственных машин и орудий. Прямых данных о масштабах применения ставропольскими крестьянами супруги мы в исторических источниках не обнаружили, но, если исходить из вполне приемлемого постулата о том, что практически все бедняки и маломощные середняки в той или иной форме в годы нэпа обращались к супруге (за исключением кооперированной части крестьянских хозяйств, для которых она была менее вероятной реальностью, ибо они оказались вовлечены в иную форму производственной кооперации), то в Ставропольском округе супруга в середине 1920-х гг. охватывала по нашим расчётам, выполненным на основе архивных данных [4, л. 3об, 5об], до 45 % всего крестьянства. Тем самым, в годы нэпа для значительной части крестьян-единоличников Ставропольского округа супруга выступала привычным социальным инструментом хозяйствования и организации трудовой повседневности. Правда, известный историк-аграрник А.А. Панарин даёт супруге более сдержанную оценку: «Супруга как разновидность производственного объединения крестьянства и казачества способствовала развитию их трудовой взаимопомощи и вносила некоторые элементы обобществлённого производства. Однако, супруга не могла являться в полной мере формой кооперирования крестьянских хозяйств, так как объединение в ней тягла и сельхозинвентаря было сезонным, чаще всего на основе двух или трехстороннего соглашения между ближайшими соседями или родственниками. Помимо этого, супруга не входила в состав сельхозкооперации и имела временный и вынужденный характер» [10, с. 572]. Но, заметим, супруга, как бы ни рассчитывались её масштабы, являлась существенным подспорьем для южно-российских хлеборобов.

Кардинальным новшеством для ставропольской деревни периода нэпа стало создание коммун, или точнее сказать, трудовых коммун, ибо слово «коммуна» имеет множество совершенно иных значений (например, это может быть административно-территориальная единица), но в исторических источниках и научной литературе по отношению к деревне прижилось понятие в одно слово «коммуна». Почему трудовая коммуна?! Прежде всего, потому что коммуны в деревне формировались в сфере производственной деятельности, хотя особый тип коллективистских отношений, безусловно, распространялся в коммуне на весь комплекс социального и личностного взаимодействия крестьянства с генерирующей идеей тотального обобществления, в первую очередь, любого имущества, во вторую очередь, самого труда членов коммуны в широком его понимании, и, в третью – почти всего объёма партикулярной жизни коммунаров.

С одной стороны, советская власть с помощью трудовых коммун рассчитывала осуществить коренное социальное переустройство российской деревни, перебросить мостик в новое социалистическое общество, извести мелкого частного собственника, мешавшего большевистскому движению к светлому будущему.

Внедрение коммун в деревне явилось одной из первых советских политических кампаний, когда прямым выгодоприобретателем от проведения властями имущественных реквизиций у зажиточного крестьянства (далеко не всегда у кулаков) становились именно трудовые коммуны.

С другой стороны, сами крестьяне после разрушительной Гражданской войны, особенно бедняки и демобилизованные красноармейцы, усматривали в коммуне избавление от повседневной крайней нужды, сокрушительной бедности, и получали воплощение потаённой мечты о социальном равенстве. Не случайно крестьяне села Новоселицкого Александровского района Ставропольского округа называли свою коммуну «Луч солнца», краткую историю существования которой нам удалось восстановить по архивным материалам Государственного архива Ставропольского края из фонда Р-467 «Сельскохозяйственная коммуна "Луч солнца"» [6, д. 1–8]. Тем не менее, у основной массы крестьянства создание коммун при поддержке властей особого восторга не вызывало, и привычный общинный призыв «Долой коммунию!» звучал в российской деревне то здесь, то там. Однако количественное сокращение трудовых коммун по мере осуществления нэпа в ставропольской деревне, о чём мы писали выше, выступало не только результатом внешнего социального давления крестьянских масс, поскольку коммуны разрушались, прежде всего, сами изнутри.

Типовой устав коммуны, как нам удалось установить в ходе исследования, предполагал до вступления крестьянина в это объединение ликвидацию им прежних имущественных обязательств и выплату наличествующих долгов данного крестьянского хозяйства, а при вхождении в коммуны крестьянин передавал её коллективу в полное владение, пользование и распоряжение все у него имеющиеся постройки, живое тягло, земельный участок, орудия труда и денежные средства, в общем, «все свои пожитки». Так, после месячного разбирательства покинувшая 20 мая 1925 г. коммуны «Луч солнца» Ксения Дионисовна Скибина, согласно её собственноручной расписке от 30 июня 1925 г., «получила часть имущества. Остаются за коммуной «Луч солнца» следующие предметы: «одна лошадь, кобыла и одна машина-лобогрейка, и одна бочка и один[ни] ход[ы]». Истице вернули: дом с постройками, 5 хомутов, 2 овцы, бочонок, две цепи (для обмолота), кадушку, наковальню, два молотка, тулуп и зипун, часть озимого посева и другое имущество, истребованное по суду [6, л. 19].

Несмотря на леворадикальный, социалистический характер формирования трудовой коммуны, она оставалась экономико-производственным объединением, поэтому её материальную базу составлял основной капитал, к чему относились: унаследованные от крестьян-коммунаров и возведённые заново постройки, обобществлённые орудия труда и приобретённые коммуной сельскохозяйственные машины, разного рода оборудование, накопленные удобрения, и т.п.оборотный капитал коммуны включал: часть полученного урожая, оставленного на нужды коммунаров, семенное зерно, вырученные от реализации продукции и иных активов денежные средства, и пр. Кроме того, успешная трудовая коммуна имела запасной капитал, или, говоря современным языком, бюджет развития, когда часть заработанных средств откладывали, например, для приобретения живого тягла, или молодняка крупного рогатого скота. Однако серьёзные накопления у коммуны

могли появиться только при условии высокопроизводительного труда всех коммунаров, что, в свою очередь, могло быть возможным при наличии у них личной заинтересованности, чего в коммуне сложно было обеспечить по определению.

Трудовая коммуна кардинально меняла крестьянскую повседневность, когда собственный дом, каким бы захудалым он не был, заменялся общежитием, семейный обеденный стол с яствами, собранными по степени зажиточности крестьянского хозяйства, вытеснялся общественной столовой, редкое чтение газет и общедоступных народных брошюр сменялось обязательными общественными читками пропагандистской литературы и записыванием коммунаров в библиотеку, распространение противоречивых слухов о необычных вещах и происшествиях замещалось публичными лекциями, как правило, представителей ближайшего пролетарского города на актуальные социально-политические темы, душевные семейные и общинные торжества уступали место новым советским праздникам с непривычной митинговой обрядностью, «укрепление традиционных форм семейной организации (супружество, отцовство, материнство, индивидуалистически-семейная ориентация) виделось в тот момент как торможение развития коллективности» [16, с. 204]. В итоге бывшая преобладавшая партикулярность крестьянского мира утрачивалась и резко заменялась коллективистским бытованием, активной общественной жизнью всей группы коммунаров. Поэтому не случайно коммунарка Ирина Ивановна Коломейцева 5 февраля 1926 г. обратилась в коммуны «Луч солнца» с просьбой «исключить меня из членов коммуны, так как я нахожусь в настоящее время в замужестве и существовать членом Коммуны я не могу» [6, л. 11–11об].

Предельное обобществление результатов труда, высокий процент административного изъятия конечного продукта в пользу государства, сдача излишков урожая продовольственным органам по регулируемым ценам, нормирование потребления членов коммуны, независимое от трудового вклада, упорядочивание групповых и межличностных отношений на основе коммунистических принципов: все эти вместе взятые субстанциональные черты подтачивали коммуны изнутри. Безусловно, у каждой коммуны складывалась своя история: очень краткосрочная (в течение нескольких месяцев, или на протяжении одного-двух лет), среднесрочная (от трёх до шести лет), долгосрочная (от начала нэпа и до развёртывания сплошной форсированной коллективизации). Изученная нами краткосрочная история существования в течение полутора лет трудовой коммуны «Луч солнца» села Новоселицкого Александровского района Ставропольского округа показала, что созданная под воздействием агитации демобилизованных красноармейцев коммуна распалась и мечты коммунаров «разбились о суровую правду климатической зоны рискованного земледелия и неумелое хозяйствование» [17, с. 79]. Основной причиной ликвидации коммуны «Луч солнца» оказались тяжелейшие убытки от стихийного бедствия, когда к концу зимы 1925/1926 гг. выяснилось, что погиб посев озимой пшеницы на площади 10 десятин, откуда коммунары рассчитывали собрать урожая не менее 50 пудов с одной десятины (более 8 тонн зерна). Ситуацию усугубил падеж скота, и в результате убытки достигли катастрофической для коммуны суммы 912 рублей, что и подтверждалось официальными документами. Понесённые убытки подорвали плате-

жеспособность коммуны, и наиболее активные коммунары (совет коммуны) начали искать возможности отсрочить выплату долгов до ноября 1926 г., рассчитывая на новый удачный урожай [7, л. 5–5об]. Заметим, части коммун власти Ставропольского округа смогли помочь, и в 1926 г. 15 коммун отсрочили платежи по накопившимся задолженностям на общую сумму 54412,20 руб. при зафиксированном долге 56420,21 руб. [5, л. 16об].

В целом же, трудовые коммуны как экономико-производственные объединения, прежде всего, беднейших слоёв деревни, рассматривавшиеся большевиками в качестве средства классовой борьбы в деревне, своим функционированием представлявшие в годы нэпа управляемый социальный эксперимент, нарушавшие веками сложившиеся устои деревенского общежития, не прижились в социальной реальности раннесоциалистического государства. Яркие лозунги всеобщего равенства даже в уставных документах, определённая привлекательность коммунальной жизни, ставка на деревенскую молодёжь, публичность и внешняя демократичность управления и многие иные позитивные черты трудовой коммуны не смогли противостоять актуальному личному интересу, реальной выгоде, относительной самостоятельности, крестьянскому желанию жить в своём доме, разводить свой скот, иметь свой сельскохозяйственный инвентарь, сохранить исконное право распоряжаться результатами своего труда и хотя бы частью произведённого итогового продукта по своему усмотрению.

Наиболее распространённой формой производственного объединения крестьянских хозяйств в годы нэпа стали товарищества, которые постепенно вытесняли супругу, и в крестьянской среде они пользовались гораздо большей поддержкой, нежели коммуны. Как отмечалось в постановлении ЦИК и СНК СССР «О коллективных хозяйствах» от 16 марта 1927 г., «Опыт коллективно-хозяйственного строительства показывает, что в настоящих условиях наиболее массовой формой коллективизации являются простейшие производственные объединения (товарищества по общественной обработке земли, машинные товарищества и т.д.). Ввиду этих тенденций в развитии коллективно-хозяйственного строительства, необходимо наряду с укреплением более сложных форм (артелей, коммун), обратить особое внимание на развитие и укрепление простейших форм, вовлекая в них всё большие массы крестьянства, в первую очередь его бедняцкие слои. При этом необходимо всемерно содействовать постепенному и основанному на самостоятельности переходу от простейших форм коллективных объединений к более сложным» [13, ст. 161].

В видовом отношении товарищества так же, как и супруга, отличались заметным разнообразием, хотя в исторических источниках и научной литературе они обычно ассоциируются с тозами – товариществами по совместной обработке земли. Но значимость функционирования и масштабность развития сельскохозяйственных кредитных товариществ подчёркивает их превращение в самостоятельный предмет исследования для современных историков [8]. В феврале 1927 г. Ставропольский окружком ВКП(б) провёл обследование 20 кредитных сельскохозяйственных товариществ «по вопросам кооперирования и направления кредитов в село и участия в этом бедноты». Тогда эти кредитные товарищества получили кредиты в сумме 248000 руб. в расчёте на 4397 заёмщиков. Из указанного общего объёма финансовых средств бедняцким хозяйствам выдали 36000 руб. с расчётной средней суммой на одно хозяй-

ство в 45 руб., и, тем самым, удовлетворили в итоге их потребность в заёмных средствах на 51 %; середняцкие хозяйства взяли кредитов на сумму 163000 руб. со средним расчётным показателем на одно хозяйство в 55 руб., и они закрыли свою потребность в заёмных средствах на 80 %; кулацкие хозяйства оформили кредитов на 49000 руб. со средним результатом 103 руб. на одно хозяйство, и они больше не испытывали потребности в заёмных средствах, ибо получили столько, сколько того хотели. В итоге проведённого кредитования на долю бедняцких хозяйств пришлось 14,6 % от общей суммы, середняки взяли кредитов в долевым отношении 65,6 % всех средств и кулаки выхлопотали 19,8 % от всех выделенных денег. Причём, собственных средств сельскохозяйственные кредитные товарищества аккумулировали 26678 руб., из них: бедноте в соотносимых цифрах досталось 11,49 %, середнякам удалось добиться 41,9 % от общей суммы, и кулаки получили 46,7 % от консолидированного бюджета. Тем самым, наблюдалось, как считали ставропольские большевики, «полное искажение политики в деле кредитования бедняка и середняка в работе низовой сети сельскохозяйственных кредитных товариществ, причём, здесь мы имеем даже, что кредитование кулака шло за счёт вкладов бедняка и середняка» [5, л. 110б]. «Анализ возврата розданных сумм показывает, что на 1 октября 26 года погашение кредитов, по сравнению с полученными за год различными группами населения: беднотой – 66 %, середняками – 61 %, кулаками – 64 %, причём, просроченные ссуды к полученным выражаются: за беднотой – 10 %, за середняками – 9 % и за кулаками в 12 %, т.е. в сумме просроченных платежей кулаки занимают первое место, бедняки – второе и третье – середняки» [5, л. 110б].

Что касается общей численности сельскохозяйственных кредитных товариществ, то на 1 октября 1926 г. насчитывалось 86 объединений (18549 домохозяйств), а на 1 октября 1927 г. их количество достигло 90 единиц (31108 домохозяйств), в которых сконцентрировались 22,5 % крестьянских хозяйств Ставропольского округа [5, л. 140б].

Изучение сельскохозяйственных товариществ выводит нас на более масштабную проблему кооперации в годы нэпа, чему посвящена докторская диссертация А.А. Панарина [11]. Но мы решили ограничиться смысловой характеристикой товариществ в рамках предметного поля нашей статьи и сосредоточить своё внимание только на характеристике самого понятия «товарищество», ведь каждый вид товариществ, а помимо упомянутых выше тоза и кредитного товарищества, функционировали ещё семенные, мелиоративные, машинные, молочные, льноводческие, по электрификации и пр., это отдельная история и вполне самостоятельный предмет для обстоятельного исследования. Кстати, А.А. Панарин отмечает большую активность мелиоративных крестьянских производственных объединений «в Ставропольской губернии, где в начале 1923 г. действовало 59 мелиоративных товариществ, среди которых были такие образцовые, как «Мелиоративное товарищество Петровского губземотдела» [10, с. 573].

Отличие товарищества от супруги заключалось в замене устной договорённости между главами крестьянских хозяйств, хотя и типовым, но всё же письменным (печатным) уставом, независимо от названия товарищества, причём, такой устав после принятия на общем собрании регистрировался обязательно в местных органах власти. В уставном документе чётко обозначалась

цель создания сельскохозяйственного товарищества, которое основывалось на добровольном соглашении входящих в товарищество членов, и крестьяне предполагали организовать наиболее выгодным образом труд членов товарищества и членов их семейств для совместного производства сельскохозяйственных работ, обеспечить общее пользование средствами и орудиями производства, гарантировать снабжение членов товарищества всеми необходимыми для сельского хозяйства предметами, а также осуществлять сбыт продуктов производства товарищества и его членов, оказывать содействие хозяйственному развитию и повышению производительности хозяйств членов товарищества.

Товарищества можно считать, с точки зрения хозяйственной консолидации, следующей ступенью объединения производительных сил крестьянских хозяйств после супруги, поэтому они и получили большее распространение среди крестьян в годы нэпа, нежели сельскохозяйственные артели и коммуны, ибо принципы объединения супруги и эффективность её применения для крестьян получались вполне очевидными. Если организация супруги заключалась в простом сложении рабочих рук нескольких семей крестьян, объединении скота, прежде всего, живого тягла, в общем использовании сельскохозяйственных машин и орудий, то члены товарищества вносили в «общий котёл» небольшой вступительный взнос (например, один рубль), имевший безвозвратный характер, и вкладывали основной (возвратный при выбытии) паевой взнос (скажем, 10 рублей), за счёт которых формировалась финансовая база для деятельности товарищества. За полученные результаты этой деятельности члены товарищества отвечали своим и всем объединённым имуществом, а оно детально учитывалось в составляемых имущественных списках при вступлении крестьян в члены-пайщики. Долговые обязательства товарищества обеспечивались всем принадлежащим ему движимым и недвижимым имуществом и капиталами, а также имуществом членов в кратном (например, 30-кратном) размере к сумме внесённых членом обязательных паёв. Паяевые взносы, имущественная ответственность и относительная хозяйственная самостоятельность отличали товарищество в материально-хозяйственном отношении от коммуны. Члены товарищества разделяли имущество на своё собственное и общее имущество товарищества, не передавали в коллективное владение, пользование и распоряжение все жилые и хозяйственные постройки, все имеющиеся в крестьянском хозяйстве машины и инвентарь, как это делалось в коммуне, а они продолжали вести собственное хозяйство, независимое в производственно-экономическом плане от товарищества, пользовались необходимыми для них услугами товарищества, активно участвовали в определённых товариществом общих и безотлагательных работах, получали по итогам отчётного года дивиденды, причитающиеся на размер внесённого паявого взноса. Вместе с тем, в товариществах и в коммунах состояло, как правило, гораздо большее количество участников, нежели могло объединиться в традиционной супруге.

К середине ноября 1927 г. в Ставропольском округе насчитывалось 34 зарегистрированных специализированных сельскохозяйственных товарищества с охватом 510 членов (в среднем по 15 на одно товарищество), в том числе: 26 животноводческих, 1 коневодческое, 2 птицеводческих, 2 садо-огороднических, 1 мелиоративное и 2 семеноводческих. Одновременно функциониро-

вали 42 «диких» товарищества, в том числе: 25 животноводческих, 1 птицеводческое, 16 мелиоративных. По социальному составу животноводческие товарищества состояли «преимущественно из хозяйств зажиточных и середняцких, переходящих в зажиточные. Количество бедняцких и середняцких хозяйств в этих товариществах незначительно и в большинстве они играют декоративную роль. Приток новых членов в животноводческие товарищества и, главным образом, бедноты почти совершенно отсутствует. Социальный состав мелиоративных товариществ в большинстве является бедняцким и середняцким» [5, л. 16об].

Существовало четыре формы паевых взносов в животноводческих товариществах: 1) только с члена товарищества; 2) с голов скота членов товарищества; 3) с членов товарищества и с голов их скота; 4) натурой в размере одной десятой части от имевшегося в крестьянском хозяйстве скота. Паявые взносы в животноводческих товариществах обычно рассчитывались следующим образом: 1) с общего количества голов скота в размере от 1 до 500 руб.; 2) с головы крупного рогатого скота в пределах от 1 до 10 руб.; 3) с головы мелкого рогатого скота в границах от 50 коп. до 1 руб. Маштабы установленной материальной ответственности в животноводческих товариществах также отличались: 22,5 % товариществ зафиксировали 10-ти кратную ответственность, а 37,5 % приняли ответственность всем своим имуществом. «Не имея никаких доходных статей, мелкие товарищества работают без оборотных средств, и все расходы пополняются путём самообложения. Крупные товарищества, кроме самообложения, имеют возможность оборачиваться авансом под шерсть» [5, л. 16об–17].

Что касается действовавших в Ставропольском округе на 1 октября 1926 г. 17 машинных товариществ, то это такая же простейшая форма кооперации производственно-экономических усилий крестьян в годы нэпа, как и иные подобные крестьянские объединения: кредитно-сельскохозяйственные, семенные, мелиоративные, молочные, льноводческие и пр. В основе их создания крестьянами в период нэпа лежало использование преимущества частичной имущественной консолидации отдельных крестьянских хозяйств для достижения экономической выгоды в сельскохозяйственном производстве. Объединяясь в самостоятельное кооперативное машинное товарищество в 1920-е гг., крестьяне получали реальную возможность вкладчину приобрести и/или рационально использовать при осуществлении трудозатратных полевых работ сложные сельскохозяйственные машины, например, трактор, или даже целый набор машин и орудий в своих хозяйствах. Применение сложных сельскохозяйственных машин заметно повышало производительность труда в крестьянских хозяйствах, которые вступали в кооперативные машинные товарищества, и, в конечном итоге, увеличивало урожайность выращиваемых сельскохозяйственных культур, а, соответственно, членам товариществ удавалось преумножать реальную прибыльность крестьянских хозяйств.

Основная проблема заключалась в вероятности наличия у группы крестьянских хозяйств первоначального капитала, чтобы совместными усилиями приобрести и/или взять под залог напрокат желательные в крестьянских хозяйствах сложные сельскохозяйственные машины и орудия. Машинному товариществу, кроме аккумуляирования первоначального капитала для при-

обретения (аренды) сельскохозяйственных машин, требовалось заранее подготовить места (помещения) для хранения этих машин, создать профильные ремонтные мастерские для эксплуатации и обслуживания приобретаемой сельскохозяйственной техники, подготовить (найти, обучить) специалистов, способных с максимальной производительностью применить полученные сельскохозяйственные машины на полевых работах. Членам машинного товарищества также предстояло на общем собрании договориться между собой о порядке эксплуатации сложных сельскохозяйственных машин и орудий, достигнуть согласия о передаче этого имущества исключительно во временное распоряжение и пользование отдельным членам товарищества, прийти к общему мнению об условиях аренды (субаренды) этих машин иным физическим лицам и производственным объединениям в случае, если имеющиеся в наличии машины временно свободны и не использовались членами машинного товарищества. Весь этот комплекс производственно-хозяйственных вопросов оговаривался, детально обсуждался и фиксировался в уставе машинного товарищества, принимаемом общим собранием крестьян-участников. Однако машинные товарищества нередко носили фиктивный характер и служили способом приобретения на льготных условиях (введённых государством) сложной сельскохозяйственной техники зажиточными крестьянскими хозяйствами. Эта тенденция получила значительное распространение, поэтому в постановлении ЦИК и СНК СССР «О коллективных хозяйствах» от 16 марта 1927 г. отмечалось: «Вместе с тем, как при организации, так и при вовлечении простейших производственных объединений типа машинных товариществ в систему кооперации и при распространении на них льгот, предоставляемых коллективным организациям, необходимо иметь в виду наблюдающиеся случаи использования кулацкими элементами машинных товариществ для прикрытия эксплуатации беднейших элементов деревни и вести с этим решительную борьбу» [13, ст. 161].

Что касается 39 сельскохозяйственных артелей, насчитывавшихся по состоянию на 1 октября 1926 г. в Ставропольском округе, то в рамках этой организационно-хозяйственной формы объединения индивидуальных крестьянских хозяйств стали появляться после окончательного установления советской власти на Ставрополье в феврале 1920 г., и они руководствовались «Нормальным уставом трудовых земледельческих артелей», утверждённым Народным комиссариатом земледелия РСФСР 19 мая 1919 г. [9], который оказался временным нормативно-правовым актом. На основе формально-юридического анализа текстов уставов сельскохозяйственных артелей 1919 и 1920 годов П.А. Якушев делает в своей статье следующий итоговый вывод: «Большевики пытались регламентировать деятельность сельхозартелей. В принятом артельным уставе 1919 г., наряду с коллективистскими принципами ведения хозяйства, имелись «мелкие послабления». Ужесточение к осени 1920 г. политики «военного коммунизма» привело власть к уверенности в необходимости уничтожения остатков «мелкобуржуазных» принципов хозяйствования и постепенного слияния артелей и коммун, что привело к утверждению в сентябре 1920 г. нового устава, положения которого были приближены к коммунальным формам землепользования» [20, с. 68]. Такой регуляторный поворот оказался преждевременным, и в условиях нэпа продолжился поиск наиболее

оптимальной модели сельскохозяйственной артели, учитывающей коренные интересы крестьянства. В 1922 г. появляется «Временный устав сельскохозяйственного производственного коллектива» [2], и в том же году публикуется «Примерный устав земледельческой трудовой артели» [15]. Всего Наркомат земледелия РСФСР в 1923 г. утвердил 14 примерных уставов, и, помимо регулятивного акта для земледельческой трудовой артели, в правоприменительной практике появились примерные уставы для различных видов товариществ с учётом вероятностной отраслевой сельскохозяйственной специфики, а опубликованный в 1928 г. «Устав сельскохозяйственной артели» выдержал восемь изданий [18]. Последним документом, сохранявшим нэповские альтернативы в аграрной политике, стало постановление ЦИК СССР от 15 декабря 1928 г. «Об утверждении общих начал землепользования и землеустройства», где в пункте 15 подчёркивалось: «Землеустройство, организуя земельную площадь с соблюдением права населения на свободный выбор форм землепользования, должно способствовать общему подъёму сельского хозяйства, кооперированию и коллективизации его» [14, ст. 642]. И далее в пункте 29 читаем: «Ввиду того что кооперирование крестьянства является основным путём социалистического преобразования сельского хозяйства и что для значительных слоёв маломощного крестьянства нет возможности поднять своё хозяйство иначе как путём перехода к товарищеским формам землепользования, – государство оказывает особое содействие и поощрение образованию и деятельности коллективных хозяйств (коммун, артелей, товариществ). При этом сохраняется добровольность перехода к коллективным (и другим товарищеским) формам ведения хозяйства» [14, ст. 642]. Однако переход к коллективным хозяйствам советская власть поощряла длинным перечнем льгот и преимуществ. Тем не менее, в указанном нормативно-правовом акте 1928 г. сохранялись и земельные общества со своим набором полномочий.

В сельскохозяйственной артели степень обобществления имущества крестьянских хозяйств была иной, нежели в коммуне. Коллективными в сельхозартели становились: во-первых, землепользование консолидируемыми в единое целое земельными участками крестьян-единоличников; во-вторых, трудовые отношения в процессе производства материальных благ; в-третьих, основные средства производства, аккумулируемые из бывших индивидуальных крестьянских хозяйств, включая живое тягло. С нашей точки зрения, если подходить не предвзято, в сельскохозяйственной артели закреплялась коэволюция трёх видов и/или форм собственности: 1) государственное владение землёй; 2) кооперативное пользование земельными угодьями и владение, пользование, распоряжение обобществлёнными основными средствами производства; 3) квазичастное пользование и распоряжение имуществом в рамках отмежёванного личного подсобного хозяйства, включавшего жилой дом, хозяйственные постройки, приусадебный участок, обеспечивавший содержание ограниченного количества домашнего скота и птицы, выращивание полевых и огородных культур, занятие мелкими промыслами (виноградарство, пчеловодство и пр.). Получаемые доходы в сельскохозяйственной артели являлись предметом общественного регулирования, а их распределение осуществлялось в коллективном хозяйстве не только в зависимости от количества полученной продукции и качества труда

членов артели, но и с учётом социально значимых приоритетов коллективного хозяйства, нередко преподанных властью предрержащими.

Из 117787 крестьянских хозяйств Ставропольского округа [4, л. 3об], насчитывавшихся к началу 1927 г., число объединяемых хозяйств в коллективы оказывалось невелико: на конец 1925 г. в них входило 2718 семейств, а на конец 1926 г. их количество сократилось до 2448 семейств, хотя, если учитывать членов коллективных хозяйств, то получается 3554 и 3369 человек соответственно, или по едокам выходит 13714 и 12324 человек [4, л. 5об]. Сокращение численности коллективных хозяйств в 1926 г. по сравнению с 1925 г. произошло за счёт ликвидированных коллективов и сокращения числа членов, но в любом случае количество крестьянских хозяйств, объединившихся в коллективные хозяйства, равнялось примерно лишь 2 % от общей массы крестьянских хозяйств в Ставропольском округе к началу 1927 г.

На 1 октября 1927 г. в Ставропольском округе насчитывалось 271 коллективных хозяйств, из них – 21 коммуна, 42 сельхозартели и 187 товариществ по совместной обработке земли и 21 машинное товарищество. Количество «диких» колхозов уменьшилось за год с 93 до 37. «По социальному положению население колхозов разделяется: бедняков – 75 %, середняков – 22 % и зажиточных 3 %. Таким образом, население колхозов представляет в своей большей массе бедняцкую часть» [5, л. 15об, 16].

В коллективных хозяйствах Ставропольского округа в период нэпа наличествовало значительное число демобилизованных красноармейцев, прежних красных партизан, представителей из бывшего командного состава РККА и вдов красноармейцев. Всего на 1 октября 1926 г. числилось: 362 семей демобилизованных красноармейцев (1608 едоков), 522 семей прежних красных партизан (2350 едоков), 31 семей представителей бывшего командного состава РККА (142 едоков), 36 семей вдов красноармейцев (109 едоков), или в целом, 951 семей (4209 едоков), что составляло к общему числу семей во всех сельскохозяйственных коллективах 39 %. С учётом социального состава члены коллективных хозяйств Ставропольского округа дифференцировались на три разновеликие группы: к беднякам относились 76 %, к середнякам принадлежало 21 % и к зажиточным крестьянам причислялось 3 % [4, л. 5об]. При этом численность окружной партийной организации большевиков, несмотря на количественный рост, согласно информации из закрытого письма от 15 февраля 1926 г. ответственного секретаря Ставропольского окружкома ВКП(б) С.С. Захарова в ЦК ВКП(б) о работе окружной партийной организации, оставалась невелика. На 1 января 1926 г. в ней насчитывалось 2701 коммунистов (в том числе, 368 женщин), среди которых 59 % составляли крестьяне из числа бедняков и середняков, причём, как вынужденно признавал региональный партийный руководитель, в крестьянской среде «имеются отдельные выступления с требованием организации «Крестсоюза» в с. с. Винодельном, Кевсале и Константиновке» [3, л. 3, 4]. Иначе говоря, ставропольское крестьянство испытывало заметное разочарование в аграрной политике большевиков периода нэпа, но этот сюжет выходит за рамки статьи и может быть рассмотрен в самостоятельном исследовании.

А вот сами ставропольские большевики выделяли в ноябре 1927 г. шесть недостатков в функционировании коллективных хозяйств:

«1. Отсутствие достаточной плановости и системы в работе колхозов, правильного распределения и использования в них сил и средств производства;

2. Недостаточно правильная постановка счетоводства и отчётности, а во многих колхозах таковая вовсе отсутствует;

3. Значительная закредитованность колхозов и отсутствие достаточной финансовой дисциплины;

4. Слабое обслуживание колхозов в области народного образования и здравоохранения;

5. Отсутствие в колхозах достаточно опытных руководителей, в связи с чем наблюдается медленный переход к культурным формам ведения хозяйства;

6. Недостаточно осторожный подход при организации колхозов и приёма их в члены объединения, в смысле возможностей их хозяйственной деятельности и возможности землеустройства, в связи с чем имеются случаи, когда недавно организованный колхоз ликвидируется и т.д.» [5, л. 16об].

Результаты. Изученные формы производственно-хозяйственной консолидации ставропольского крестьянства в годы нэпа раскрывают масштаб перспективных возможностей крестьянских хозяйств для улучшения своего экономического положения, для существенного

безубыточного роста и изменения наличествующего социально-экономического статуса. В эволюции обозначенных форм можно выделить следующие тенденции. Во-первых, это преимущественная тяга крестьян Ставропольского округа Северо-Кавказского края к простейшим формам объединения в виде супруги и товарищества. Во-вторых, ставропольские крестьяне не стремились как-то регистрировать (оформлять) фактически достигнутую производственно-хозяйственную консолидацию, а потому существовало большое количество «диких» коллективных хозяйств. В-третьих, от объединения хозяйственных усилий выигрывали бедняки и середняки, которых поддерживала советская власть во главе с большевиками. В-четвёртых, производственно-хозяйственная консолидация крестьянских хозяйств в годы нэпа во многом обуславливалась внешнимиотягающими обстоятельствами предшествующего исторического периода. В-пятых, нэп открыл широкие возможности для выбора формы коллективного хозяйства, и, несмотря на продавливание большевиками образования сельскохозяйственных артелей и, особенно, преимущественную поддержку ими коммун, ставропольские крестьяне не забывали супругу и стремились создавать, прежде всего, простейшие товарищества.

Литература

1. Бгажноков Б. Х. Пахота, пахотные орудия и супруга в традиционной культуре черкесов // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. 2018. № 4 (39). С. 7–14.
2. Временный устав сельско-хозяйственного производственного коллектива / Народный комиссариат земледелия РСФСР. М.: Б. и. (без издателя), 1922. 16 с.
3. Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (далее – ГАНИСК). Ф.6325. Оп.1. Д.7.
4. ГАНИСК. Ф. 6325. Оп. 1. Д. 8.
5. ГАНИСК. Ф. 6325. Оп. 1. Д. 9.
6. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. Р-467. Оп. 1. Д. 1.
7. ГАСК. Ф. Р-467. Оп. 1. Д. 4.
8. Жданова Н. С. Сельскохозяйственная кредитная кооперация на Алтае в 1920-е гг. Дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2015. 279 с.: ил.
9. Нормальный устав трудовых земледельческих артелей: утверждён 19 мая 1919 года. 2-е изд. М.: Изд-во Народного Комиссариата Земледелия, 1919. 14 с.
10. Панарин А. А. Роль простейших производственных объединений крестьянства и казачества в восстановлении сельского хозяйства Северного Кавказа (1921–1924 гг.) // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (4). С. 570–576.
11. Панарин А. А. Социально-экономическая трансформация отечественной кооперации в 1921–1929 гг.: На материалах Дона и Северного Кавказа. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Ставрополь, 2004. 45 с.
12. Панкова-Козочкина Т. В., Скорик А. П. Социально-экономическая обстановка в Кубанском округе Северо-Кавказского края в середине 1920-х гг.: хозяйственные структуры, государственная политика, казачество и иные группы населения // Российская государственность в судьбах народов Кавказа – XIII. Материалы региональной научно-практической конференции. Пятигорск, 24 ноября 2023 г. Пятигорск: ПГУ, 2023. С. 224–240.
13. Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 16 марта 1927 г. «О коллективных хозяйствах» // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Союза Советских Социалистических Республик за 1927 г. № 1–34. Отдел первый. М.: Б. и., 1927. № 15. Статья 161.
14. Постановление ЦИК СССР от 15 декабря 1928 г. «Об утверждении общих начал землепользования и землеустройства» // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Союза Советских Социалистических Республик за 1928 г. № 1–69. Отдел первый. М.: Б. и., 1928. № 69. Статья 642.
15. Примерный устав земледельческой трудовой артели. Вятка: 1-я типография Бумажно-полиграфического треста, 1922. 16 с.
16. Пушкарёв А. М., Пушкарёва Н. Л. Ранняя советская идеология 1918–1928 годов и «половой вопрос» (о попытках регулирования социальной политики в области сексуальности) // Советская социальная политика 1920–1930-х годов: идеология и повседневность: сборник статей / под ред. П. В. Романова, Е. Р. Ярской-Смирновой. М.: ЦСПГИ: Вариант, 2007. С. 199–228.
17. Скорик А. П. Повседневность сельскохозяйственной коммуны «Луч солнца» ставропольского села Новоселицкое в середине 1920-х гг. // Актуальные проблемы социальной истории, философии и социальной работы: Двадцать пятые Всероссийские научные чтения, научно-теоретическая конференция: тезисы докладов и сообщений, 18–19 апреля 2024 г. / Новочеркасский инженерно-мелиоративный институт «Донской ГАУ». Новочеркасск: Лик, 2024. С. 77–79.
18. Устав сельско-хозяйственной артели. 8-е изд. / Всероссийский союз сельскохозяйственных коллективов «Колхозцентр». М.: Книгосоюз, 1928. 20 с.
19. Шолохов М. А. Тихий Дон. Т. 2. М.: Художественная литература, 1968. 203 с.
20. Якушев П. А. Уставы сельскохозяйственных артелей 1919 и 1920 годов // Альманах современной науки и образования. 2010. № 11 (2). С. 66–68.

References

1. Bgazhnikov B.H. Ploughing, ploughing implements and supryaga in the traditional culture of the Circassians. *Vestnik Kabardino-Balkarskogo instituta humanitarnykh issledovaniy*. 2018;4(39):7-14. (In Russ.).

2. Temporary charter of the agricultural production team. People's Commissariat of Agriculture of the RSFSR. Moscow, 1922. 16 p. (In Russ.).
3. The State Archive of the Modern History of the Stavropol Territory (GANISK). F. 6325. Inv. 1. D. 7.
4. GANISK. F. 6325. Inv. 1. D. 8.
5. GANISK. F. 6325. Inv. 1. D. 9.
6. The State Archive of the Stavropol Territory (GASK). F. R-467. Inv. 1. D. 1.
7. GASK. F. R-467. Inv. 1. D. 4.
8. Zhdanova NS. Agricultural credit cooperation in Altai in the 1920s: thesis. Barnaul, 2015. 279 p. (In Russ.).
9. The normal charter of agricultural labor unions: approved on May 19, 1919. 2nd ed. Moscow: Publishing House of the People's Commissariat of Agriculture, 1919. 14 p. (In Russ.).
10. Panarin AA. The role of the simplest production associations of peasants and Cossacks in the restoration of agriculture in the North Caucasus (1921-1924). *Gumanitarnye i juridicheskie issledovaniya*. 2022;9(4):570-576. (In Russ.).
11. Panarin AA. Socio-economic transformation of the domestic cooperation in 1921-1929: Based on the materials of the Don and the North Caucasus: abstract of thesis. Stavropol, 2004. 45 p. (In Russ.).
12. Pankova-Kozochkina TV, Skorik AP. Socio-economic situation in the Kuban District of the North Caucasus Region in the mid-1920s: economic structures, state policy, Cossacks and other population groups. In: Russian statehood in the destinies of the peoples of the Caucasus – XIII. Materials of the regional scientific and practical conference. Pyatigorsk, November 24, 2023. Pyatigorsk: Pyatigorsk State University, 2023. p. 224-240. (In Russ.).
13. Resolution of the Central Executive Committee of the USSR, the Council of People's Commissars of the USSR of March 16, 1927 "On collective farms". In: Collection of Laws and regulations of the Workers' and Peasants' Government of the Union of Soviet Socialist Republics for 1927. No. 1-34. Department one. Moscow, 1927. No. 15. Article 161. (In Russ.).
14. Resolution of the Central Executive Committee of the USSR of December 15, 1928 "On approval of the general principles of land use and land management". In: Collection of Laws and regulations of the Workers' and Peasants' Government of the Union of Soviet Socialist Republics for 1928. No. 1-69. Department one. Moscow, 1928. No. 69. Article 642. (In Russ.).
15. The approximate charter of the agricultural labor artel. Vyatka: First printing house of the Paper and Printing Trust, 1922. 16 p. (In Russ.).
16. Pushkarev AM, Pushkareva NL. Early Soviet ideology of 1918-1928 and the "sexual question" (on attempts to regulate social policy in the field of sexuality). In: Soviet social policy of the 1920s-1930s: ideology and everyday life: a collection of articles / edited by PV Romanov, ER Yarskaya-Smirnova. Moscow: TSPGI: Option, 2007. p. 199-228. (In Russ.).
17. Skorik AP. The daily life of the agricultural commune "Ray of the Sun" of the Stavropol village of Novoselitskoye in the mid-1920s. In: Actual problems of social history, philosophy and social work: Twenty-fifth All-Russian scientific readings, scientific and theoretical conference: abstracts of the reports and communications, April 18-19, 2024. Novocherkassk Engineering and Reclamation Institute "Don State Agrarian University". Novocherkassk: Face, 2024. p. 77-79. (In Russ.).
18. The Charter of the agricultural and economic artel. 8th ed. All-Russian Union of agricultural collectives "Kolkhozcenter". Moscow: Book Union, 1928. 20 p. (In Russ.).
19. Sholokhov MA. Tikhy Don. Vol. 2. Moscow: Artistic literature, 1968. 203 p. (In Russ.).
20. Yakushev PA. Charters of agricultural artels of 1919 and 1920. *Al'manah sovremennoj nauki i obrazovanija*. 2010;11(2):66-68. (In Russ.).